

*Свидетели
эпохи*

АЛЕКСАНДР
МОСОЛОВ

■
*При дворе
последнего царя*

Воспоминания начальника
дворцовой канцелярии
1900—1916

Александр Мосолов

**При дворе последнего царя.
Воспоминания начальника
дворцовой канцелярии. 1900-1916**

«Центрполиграф»

Мосолов А. А.

При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916 / А. А. Мосолов — «Центрполиграф»,

Александр Александрович Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора, ярко и живо описывает характеры Николая II, императрицы Александры Федоровны, их детей, вдовствующей императрицы, великих князей. Рассказывает о взаимоотношениях членов императорской семьи и высокопоставленных царедворцев. Размышляет о влиянии, которое семья и ближайшее окружение оказывали на императора и тем самым на судьбы миллионов людей.

© Мосолов А. А.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Царь	5
Его отец и мать	5
Неискренний или застенчивый?	7
Чувство долга государя	9
У царя никогда не было секретаря	9
«Ваш» Петр Великий	11
Нельзя быть слишком предусмотрительным	12
Умеренный националист	12
«До гробовой доски...»	13
«Вместе с ними на фронт»	14
Верховное командование	15
«Заговор» великих князей	15
Недоверчивость	16
Отец, достойный похвалы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Александрович Мосолов

При дворе последнего царя.

Воспоминания начальника

дворцовой канцелярии. 1900–1916

Глава 1

Император Николай II и его семья

Царь

Его отец и мать

Александр III, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, принцессы Гессен-Дармштадтской, получил домашнее образование, как было принято в те годы, и не посещал никаких школ. Он твердо усвоил одну мысль – необходимо всячески поддерживать престиж самодержавной власти императора. В этом последнем пункте традиция, унаследованная им от его августейшего отца Александра II и деда Николая I, соблюдалась им со всей возможной пышностью. Будущему императору постоянно внушалась мысль, что сам Бог поручил русским царям управлять Россией с ее безграничными просторами. Царь – хранитель своей страны и символ национального единства, оплот отеческой заботы и рыцарской справедливости.

Мать Александра научила его ценить брак и семью. В равной степени она заботилась и о том, чтобы ее сын умел вести себя в обществе, соблюдая все тонкости этикета и церемониала.

Личные пристрастия Александра III имели больше сходства с пристрастиями деда, Николая I, чем с либеральными взглядами отца, Александра II. Он считал, что русское общество должно изменяться медленно и постепенно – слишком быстрое развитие его политических учреждений приведет к усилению анархических тенденций, присущих славянской душе. Он боялся, что поспешные реформы могут вызвать беспорядки, и был уверен, что они не отвечают интересам России.

Хорошо известно, что консервативные взгляды царя нашли свое отражение в талантливом творении князя Трубецкого, скульптора исключительного дарования, которому было поручено водрузить в Санкт-Петербурге конную статую великого царя. Железной рукой отец Николай II туго натягивает поводья своей тяжелой и внушительной лошади. Всякий раз, проходя мимо этой величественной статуи на Знаменской площади, я, будучи генералом от кавалерии, говаривал про себя: «Нельзя так сильно натягивать поводья – конь может встать на дыбы».

Второй особенностью характера Александра III, о которой стоит сказать несколько слов, была его страсть ко всему типично русскому. При дворе Александра II слишком большим влиянием пользовались император Вильгельм I и некоторые мелкие германские князья, что вызывало протест в душе Александра III. Он испытывал отвращение ко всему немецкому. Он старался быть русским в мельчайших деталях личной жизни, поэтому его манеры казались менее привлекательными, чем манеры братьев; он заявлял, не утруждая себя обоснованием, что истинно русский человек должен быть несколько грубоват, слишком изящные манеры ему не нужны. Уступая требованиям дворцового этикета, в узком кругу друзей он отбрасывал вся-

кую неестественность, считая церемонии необходимыми только для германских князей, которые не имеют других средств для поддержания авторитета и защиты своих прав на существование.

Супруга Александра, принцесса Датская, мать Николая II, воспитывалась при одном из самых патриархальных европейских дворов; она внушила своему сыну незыблемое уважение к семейным традициям, а также передала ему то огромное личное обаяние, которое сделало ее столь популярной в России. Все дети принцессы Дагмар были меньше ростом, чем их дяди и тети. Великолепие осанки, отличавшее поколение Александра II, не передалось последним Романовым. Именно поэтому граф Фредерикс, министр двора, советовал Николаю II никогда не появляться на публике верхом на коне. Я помню, как император заметил по этому поводу со смехом:

– Графу нравится гарцевать перед толпой. Уверен, поэтому он и настаивает, чтобы я ездил в экипаже.

Несмотря на свой небольшой рост, царь был отменным всадником; его посадка в седле внушала уважение.

Двое из моих друзей, генерал-адъютант Васильковский и мистер Хит, обучавший наследника престола английскому языку, поделились некоторыми подробностями образования детей Александра III. По их словам, дети императора не отличались примерным поведением. Можно даже сказать, что их манеры во многом напоминали манеры мелких провинциальных дворян. Даже обедая в присутствии родителей, они не стеснялись бросаться друг в друга шариками из хлебного мякиша, если были уверены, что их за этим занятием не поймают. Все они обладали крепким здоровьем и много времени уделяли спорту, за исключением Георгия Александровича, который был слаб легкими и умер в раннем возрасте.

Особое внимание уделялось обучению детей языкам, и учителя старались добиться правильного произношения. Все дети обладали отменной памятью, особенно на имена и лица. Хорошая память позволила Николаю Александровичу приобрести глубокие познания в истории. Когда я впервые познакомился с ним, он был уже определенно высокообразованным человеком. Что касается его братьев и сестер, то на их образование родители обращали мало внимания.

Воспитателя будущего императора звали Данилович, и ему было присвоено звание генерал-адъютанта. Мой друг Васильковский называл его не иначе как «этот выживший из ума иезуит». В начале своей карьеры Данилович возглавлял военное училище, где и получил это прозвище. Он полностью отвечал за воспитание Николая II и научил его непоколебимой сдержанности, что являлось главной чертой его собственного характера. Александр III был беспощаден даже по отношению к собственным детям и презирал все, что носило хотя бы малейший намек на «слабость». Детям и даже самой императрице приходилось скрывать от него не только собственные ошибки, но и промахи людей из своего окружения. Таким образом, дух притворства и скрытности был врожденным в этой семье, и со смертью отца он никуда не делся. Не раз слышал я от Николая Александровича недобрые слова в адрес людей, не сдержавших своего обещания и разболтавших какой-нибудь секрет.

Став царем, Николай II сразу дал понять, что положение монарха не мешает ему поступать по своему усмотрению. Свою роль в этом сыграла его природная застенчивость. Он ненавидел наводить справки, жаловаться и спорить. Следуя своему правилу, он никогда не проявлял беспокойства или волнения, даже в ситуациях, когда взрыв эмоций был бы вполне естественным. Если он обнаруживал чью-либо неправоту, то обращал на это внимание непосредственного начальника спорщика и делал это в самых мягких выражениях и ни в коем случае не проявлял ни малейшего недовольства по отношению к тому, кто был не прав.

Уроки «иезуита» Даниловича не прошли даром.

Я могу засвидетельствовать, что царь был не только вежлив, но также чуток и внимателен ко всем окружающим его людям. Он обращался одинаково вежливо к министру и лакею; он проявлял уважение ко всем, независимо от возраста, положения или социального статуса.

Он мог с легкостью расстаться даже с теми, кто прослужил ему долгое время. Одного осуждающего слова в адрес какого-нибудь человека, оброненного в его присутствии, часто даже совсем без основания, было для него достаточно, чтобы расстаться с этим человеком; хотя обвинение могло быть и ложным. Царь делал это без малейшего сожаления, даже не пытаясь установить факты, что, по его мнению, было делом начальников уволенного лица или, если необходимо, прерогативой суда. Еще реже ему приходило в голову защищать кого-либо или изучить мотивы клеветника. Как все слабые личности, он был недоверчив.

Был ли он хорошим человеком?

Очень трудно проникнуть в глубины чужой души, особенно если это душа императора России. Посещая военные госпитали во время войны, царь проявлял трогательную заботу о судьбе раненых. На кладбищах, где над братскими могилами высились тысячи крестов, он молился с неподдельным рвением.

Сердце императора наполняла любовь, но это была коллективная любовь, если можно так выразиться, которая очень сильно отличалась от того, что вкладывают в понятие «любовь» простые люди.

Он искренне и страстно любил императрицу и своих детей. Я вернусь к этой теме позже.

Любил ли он своих дальних родственников? Сомневаюсь. Фредерикс лично рассматривал ходатайства и просьбы членов императорской семьи. Царь редко в чем-либо отказывал. Однако граф много раз говорил мне, что царь раздавал почести, деньги и недвижимое имущество, не испытывая от этого ни малейшего удовольствия. Это было простым исполнением долга монарха. Это было досадной помехой, а порой и прямо противоречило государственным интересам, но это «надо было делать». Не могло быть и речи о том, чтобы обидеть какого-нибудь дядюшку или племянника. Кроме того, царь надеялся, что пройдет какое-то время, прежде чем получивший дар вновь обратится с какой-либо новой просьбой.

Большую заботу проявлял он о двух своих сестрах и брате Михаиле. Искреннюю нежность выказывал он к племяннику Дмитрию Павловичу, который рос на его глазах и чья молодость так трогала его. Что касается остальных, то он проявлял ровно столько внимания, сколько нужно было, чтобы оставаться в рамках приличия и не вызывать никаких ненужных осложнений.

Неискренний или застенчивый?

Царя часто обвиняли в неискренности. Рассказывали о случаях, когда вызванные на прием министры, уверенные в полной благосклонности государя, получали отставку. Это не совсем справедливо по отношению к нему.

Отставки министров происходили по особому сценарию; но чем бы ни объяснялись поступки царя, его никак нельзя было обвинить в отсутствии прямолинейности.

Для царя министры были обыкновенными чиновниками, как и все другие, служившие России. Он «любил» своих министров так же, как и каждого из 150 миллионов своих подданных. И если у какого-нибудь министра случалось несчастье, то царь сочувствовал ему, как всякий чуткий человек сочувствует несчастью ближнего. Тем не менее граф Фредерикс был единственным, кто действительно пользовался благосклонностью государя.

Если министр был не согласен с царем, если против него выдвигались обвинения или по какой-либо причине монарх не испытывал к нему доверия, Николай все равно оказывал ему дружеский прием, благодарил за сотрудничество, расставаясь, тепло пожимал руку – а затем присылал письмо с предложением уйти в отставку.

Это определенно было влиянием Даниловича, «иезуита». Министры не принимали во внимание укоренившуюся в царе неприязнь к спору.

Почти всегда повторялась одна и та же история. После назначения нового министра царь некоторое время выказывал полное удовлетворение его деятельностью. Этот «медовый месяц» мог продолжаться довольно долго, но затем на горизонте сгущались тучи. Это происходило раньше, если министр был человеком принципов и имел определенную программу действий. Такие государственные деятели, как Витте, Столыпин, Самарин, Трепов¹, чувствовали себя вполне уверенно, заручившись царской поддержкой; они думали, что им предоставлена полная свобода действий для претворения в жизнь своих программ. Однако царь смотрел на дело совсем иначе. Часто он старался навязать свое мнение относительно деталей, в таких вопросах, например, как назначение исполнителей.

Сталкиваясь с таким отношением государя, министры реагировали в соответствии со своим темпераментом. Некоторые, вроде Ламздорфа, Кривошеина или Сухомлинова, мирились и соглашались. Другие были менее податливы и пытались достичь своего обходными путями или старались переубедить царя. Оба эти способа таили в себе опасность для министров, но особенно первый, поскольку, узнав об этом, царь очень сердился.

Не следует забывать, что Николай не имел борцовских качеств. Он очень быстро схватывал главную мысль своего собеседника, понимал с полуслова недосказанное, оценивал все оттенки изложения. При этом он делал вид, что верит всему, что ему говорят. Он никогда не оспаривал того, что говорил собеседник. Он никогда не занимал определенной позиции и не пытался решительным образом сломить сопротивление министра, подчинить его своей воле и сохранить тем самым опытного человека. Не реагируя на доводы собеседника, он не мог вызвать у министра того энергичного протеста, который помог бы ему убедить царя в своей правоте.

Он никогда не высказывался прямо или резко, не выдвигал аргументов, никогда не выходил из себя и всегда разговаривал ровным тоном. Министр, довольный, уходил, думая, что ему удалось убедить царя, но он жестоко ошибался. То, что он принимал за слабость, было обыкновенной сдержанностью.

Он забывал, что у царя не было моральной смелости и он не мог принимать окончательного решения в присутствии заинтересованного лица. На следующий день министр получал письмо, где находилось уведомление о его отставке.

Я повторяю – спорить было противно самой природе царя. Мы не должны забывать, что от своего отца (которого он почитал и примеру которого старался следовать даже в мелочах) царь унаследовал неистребимую веру в судьбоносность своей власти. Его призвание исходило от Бога, и за свои действия он отвечал только перед своей совестью и Богом. В этом его активно поддерживала императрица.

Царь отвечал только перед своей совестью и руководствовался интуицией и инстинктом, то есть теми вещами, которые теперь называют подсознанием и о которых не имели не малейшего понятия в XVI веке, когда московские цари утверждали свое самодержавие. Он отвечал перед иррациональными элементами, которые порой даже противоречили разуму. Отвечал перед чем-то неосознанным, перед своим все возрастающим мистицизмом.

Министры же строили свои действия на доводах рассудка. Их аргументы обращались к разуму. Они говорили о цифрах и статистике, о прецедентах, об оценках и прогнозах, основанных на взвешивании разных возможностей, они ссылались на отчеты чиновников, на примеры других стран и так далее. Царь не мог с ними спорить, да и не имел желания. Он предпочитал

---

¹ Самарин Александр Дмитриевич (1871—?), обер-прокурор Святейшего синода в 1915 г.; Трепов Александр Федорович (1862—1928), министр путей сообщения в 1915 г., премьер-министр в 1916 г. Оба противники влияния Г. Распутина. (Здесь и далее звездочкой отмечены примеч. пер.)

написать письмо, отправлявшее министра в отставку. Министр больше его не удовлетворял – никто не понимал почему.

В остальном же царь, как и многие русские, считал, что от судьбы не уйдешь. Что должно случиться, то и случится. Все придет к своему концу, ибо Провидение не дремлет.

Чувство долга государя

Иными словами, царь воспринимал свою роль как представителя Бога на земле с исключительной серьезностью. Это было особенно хорошо заметно, когда он рассматривал прошения о помиловании осужденных на смертную казнь. Право миловать приближало его к Всемогущему.

Как только помилование бывало подписано, царь требовал, чтобы его немедленно отослали, чтобы оно не пришло слишком поздно. Помню случай, как однажды, во время нашей поездки на поезде, прошение пришло поздно ночью.

Я приказал слуге доложить обо мне. Царь был в своем купе и очень удивился, увидев меня в столь поздний час.

– Я осмелился потревожить ваше величество, – сказал я, – поскольку речь идет о человеческой жизни.

– Вы поступили совершенно правильно. Но как же мы получим подпись Фредерикса? (По закону ответная телеграмма царя могла быть отослана только в том случае, если на ней стоит подпись министра двора, а царь знал, что Фредерикс давно уже спит.)

– Я пошлю телеграмму за своей подписью, а граф заменит ее своею завтра.

– Отлично. Не теряйте же времени.

На следующее утро царь вернулся к нашему разговору.

– Вы уверены, – спросил он, – что телеграмму отослали сразу?

– Да, немедленно.

– Можете ли вы подтвердить, что все мои телеграммы идут вне очереди?

– Да, все без исключения.

Царь был доволен.

У царя никогда не было секретаря

Будучи посланником Бога на земле, царь сознательно и систематически устанавливал для себя пределы, к которым простой смертный стремиться не мог.

Примечательным, но, возможно, мало кому известным фактом является то, что у царя всея Руси никогда не было личного секретаря. Он так ревниво относился к своим исключительным правам, что собственноручно запечатывал конверты с собственными повелениями. Он доверял слуге эту примитивную работу только в том случае, если был очень занят. А слуга был обязан предъявить запечатанные конверты, дабы хозяин мог убедиться, что тайна его переписки не нарушена.

У царя не было секретаря. Официальные документы, письма не слишком частного характера составлялись, конечно, третьими лицами. Танеев писал рескрипты на награды сановникам. Министр двора готовил официальные письма членам царской семьи. Корреспонденцией с иностранными монархами занимался министр иностранных дел – и так далее.

Но были и другие задачи, которые мог выполнять личный секретарь самодержца, – например, готовить отчеты, подписывать важные бумаги, следить за делами особой важности, принимать корреспонденцию и тому подобное. Дел было достаточно, чтобы загрузить работой трех доверенных секретарей.

Но в этом-то и состояла проблема. В дела пришлось бы посвящать третье лицо, а царь не мог доверять свои мысли чужому.

Существовала еще одна опасность – секретарь мог превысить свои полномочия: навязывать свои собственные идеи, пытаться влиять на своего государя. Влиять на человека, который не хотел советоваться ни с кем, кроме своей совести. Даже мысль об этом могла повергнуть Николая II в ужас!

В этом царя поддерживал министр двора, поскольку Фредериксу было бы неприятно видеть третье лицо между ним и монархом.

У императрицы был личный секретарь, граф Ростовцев; у царя не было никого!

Он хотел быть один.

Один на один со своей совестью.

Я вспоминаю наше возвращение из Компьена, где мы присутствовали на незабываемом смотре французских войск. Разговоры шли среди военных, я помню, что в вагоне мы много часов решали один вопрос: сможет ли французская армия сдержать натиск батальонов Вильгельма II?

Все будущее российской внешней политики зависело от нашего вывода. Некоторые из наших специалистов считали, что французские войска были менее дисциплинированны и менее стойки в обороне, чем тевтонские фаланги. Другие утверждали, что, защищая свою землю, французский крестьянин будет драться как лев; события доказали их правоту. Спорщики все сильнее распалялись. Царь не проронил ни слова!

В Ливадии во время отдыха, который Николай II время от времени позволял себе, я был удостоен чести несколько раз сопровождать его верхом. В те дни я еще плохо знал государя и считал своим долгом занимать его беседой. Я начал с последних газетных новостей, крупных политических событий, насущных проблем. Царь отвечал с явной неохотой и тут же переводил беседу на другие темы: о погоде, горах и тому подобном. Зачастую, вместо ответа, он прищипывал коня и переходил на галоп, разговаривать во время которого было невозможно.

Я быстро сообразил, что царь никогда не обсуждал серьезные дела с членами своей свиты. Он не любил высказывать свое мнение. Он боялся, что оно дойдет до других; в любом случае он понимал, что ему и так приходится принимать достаточно важных решений, чтобы еще приумножать их. В назначенные приемные часы министры получали его окончательное решение – этого было вполне достаточно.

Для него было легче всего придерживаться этого правила, поскольку в любом случае он всегда оставался внешне невозмутимым. Я вспоминаю момент получения телеграммы с известием о гибели всего русского флота в Цусимском проливе. Она пришла, когда мы с императором ехали в поезде. Фредерикс добрых полчаса не выходил из царского купе. Царь был совершенно подавлен. Теперь мы не могли выиграть войну с японцами; флот, являвшийся предметом такой заботы императора, был уничтожен; тысячи офицеров, которых он лично знал и высоко ценил, погибли.

Вошедший камердинер сообщил нам, что его величество пьет чай в вагоне-ресторане. Мы проследовали туда друг за другом. Там царило мрачное молчание: никто не смел начать разговор об этом ужасном событии.

Царь нарушил молчание первым. Он заговорил о предстоящих армейских маневрах и разных незначительных делах. Он говорил об этом больше часа. О Цусиме не было сказано ни слова.

У нас сложилось впечатление, что царя совсем не взволновало случившееся. Фредерикс разубедил нас в этом, поведав о разговоре, состоявшемся за полчаса до этого.

– Его величество желает видеть военного министра в своем купе.

Аудиенция генерала Сахарова длилась долго. По возвращении из царского вагона он тоже сказал, что царь проявляет глубокую озабоченность.

– Его величество обсуждал со мной обстановку. Он сказал, что реально оценивает предстоящие трудности. Он набросал вполне благоразумный план действий. Его самообладание достойно восхищения.

Много позже я узнал, какой удар по здоровью императора нанесла катастрофа при Цусиме, каким бы крепким оно ни было.

«Ваш» Петр Великий

За все семнадцать лет моей службы только дважды мне выпал случай побеседовать с моим государем о политике.

В первый раз это было на празднике двухсотлетия основания Санкт-Петербурга Петром Великим, этим титаном-реформатором нашей страны. Газеты были полны статей, посвященных победам и реформам создателя современной России. Однажды я с энтузиазмом заговорил о первом российском императоре. Царь, похоже, не желал развивать эту тему. Зная, каким уклончивым он бывает во время беседы, я все же осмелился спросить его, разделяет ли он мои взгляды. Немного помолчав, император ответил:

– Я признаю великие заслуги моего предка, но показался бы неискренним, если бы присоединился к вашему энтузиазму... Этот предок нравится мне меньше всех. Он слишком благоговел перед европейской культурой. Он слишком часто топтал российские устои, обычаи наших предков, традиции, передаваемые в народе по наследству... Конечно, это был переходный период, возможно, он и не мог действовать по-другому... Но, учитывая все это, я не могу сказать, что восхищаюсь его личностью...

Во время дальнейшего разговора у меня сложилось впечатление, что царь ставил Петру Великому в укор элемент «показухи», присутствовавший во всем, что он делал. Кажется, я даже слышал, как мой августейший собеседник произнес слово «авантюрист».

По-видимому, император надолго запомнил высказанное мной восхищение Петром Великим.

Однажды в Крыму, поднимаясь на плато Учан-Су, откуда открывался великолепный вид на Ялту и ее окрестности, император рассказал мне, какое удовольствие приносит ему посещение Южного берега Крыма.

– Как бы мне хотелось поселиться здесь навсегда, – сказал он.

– Ваше величество, а почему бы тогда не перенести сюда столицу?

– Должен сказать, – ответил монарх, – что эта мысль часто приходила мне в голову.

К нашей беседе присоединились другие офицеры. Одни полагали, что горы расположены слишком близко к морю, другие говорили, что здесь слишком мало места для общественных зданий.

Один сказал:

– А где же будет размещаться Дума?

– На вершине Ай-Петри, – предложил кто-то.

– Но Ай-Петри зимой покрыта снегом, и будет невозможно подниматься туда на заседания парламента.

– Это и к лучшему, – сказал адъютант.

Через полчаса на обратном пути царь оказался рядом со мной на узкой тропинке. Повернувшись ко мне, он сказал, сдерживая улыбку:

– Нет, это невозможно. Кроме того, если мы заложим столицу на отрогах этих гор, я, определенно, перестану любить их. Воздушные замки! – Затем, после недолгого молчания, он рассмеялся. – А что касается вашего Петра Великого, то, если бы ему в голову пришла такая мысль, уж он-то точно воплотил бы ее в жизнь, несмотря ни на какие политические и

финансовые трудности. Он никогда бы не спросил себя, выиграет ли Россия от его бредовой идеи!

Больше мы темы царя-реформатора не касались.

Антипатия к великому создателю современной России весьма гармонировала с характером и менталитетом Николая II. Вспоминается, как в самом начале своего царствования молодой царь принял депутацию от одной из провинций России и дал ей резкий отпор, который эхом разнесся по всей стране. Эти делегаты были пропитаны либеральными идеями и искренне мечтали о конституции. В ответ на их выступление царь произнес короткую речь. По тону она была отрывистой, словно военная команда, и заканчивалась печально знаменитой фразой:

– Оставьте эти бессмысленные мечтания!

Эта первая публичная речь молодого царя прозвучала словно гром с ясного неба для интеллигенции, какое-то время надеявшейся, что Николай II вернется на путь либеральных реформ, с которых так успешно начал свое царствование его дед Александр II и от которых так решительно отказался его отец Александр III.

Нельзя быть слишком предусмотрительным

Мой второй и последний разговор о политике с Николаем II касался Болгарии. Он произошёл в 1912 году. Заканчивалась война с Турцией – и болгарская армия была измотана неимоверными усилиями.

Сделав несколько замечаний по общей политической обстановке, он заговорил по теме:

– Я очень жалею Болгарию, но не могу жертвовать русскими солдатами ради того, чтобы она покрыла себя победными лаврами. – После короткого раздумья он добавил: – Вам лучше вообще не отвечать Дмитриеву. Я не хочу доводить его до отчаяния... Я всем сердцем на стороне болгар, я восхищаюсь мужеством их маленькой армии. Но малейшее вмешательство с моей стороны может спровоцировать войну в Европе. В таких вопросах нельзя быть чересчур осторожным.

Он подхватил поводья своей лошади, и она перешла на быструю рысь. Мы продолжили наш путь в молчании. Затем царь повторил:

– Жаль! Но я ничего не могу сделать для болгар. – И он сменил тему.

Умеренный националист

Как и его отец, Николай II любил все русское. Я помню его слова, сказанные Надежде Плевицкой, известной и всеми любимой исполнительнице народных песен. После концерта в Ливадии он обратился к ней:

– Я думал, что никто не может быть более русским, чем я сам, но ваше пение доказало мне, что это не так. Я от всего сердца благодарен вам за это открытие.

Царь в совершенстве владел русским языком. Наш язык исключительно богат в выражении степеней семейного родства; в нем есть специальные слова для каждой категории родственников по крови и по супружеским узам, не исключая самых дальних, различия между которыми едва заметны. Однажды крестьяне принесли ему список таких терминов. Нам сразу стало ясно, что он хорошо их знает, какими бы причудливыми и устаревшими они ни были. Никто из нас не смог ответить на хитрые вопросы, которыми царь нас «проэкзаменовал» – к великой радости присутствовавших при этом детей.

– Русский язык, – произнес царь, вдоволь натешившись нашим невежеством, – настолько богат, что можно подобрать русский эквивалент ко всем выражениям любого иностранного языка; чтобы не обезобразить наш язык, нельзя допускать в него ни одного слова неславянского происхождения.

Я заметил его величеству, что принял за правило, чтобы в моих докладах, подаваемых ему, не содержалось выражений иностранного происхождения.

– Я думаю, что мне удалось добиться, – ответил на это царь, – чтобы и другие министры приобрели эту замечательную привычку. Я подчеркиваю красным цветом каждую фразу в их докладах, в которой нахожу иностранное выражение. Только вот Министерство иностранных дел никак не поддается.

Я осмелился назвать его величеству иностранное слово, не имеющее эквивалента в русском языке:

– Как можно по-другому сказать «принципиально»?

– И действительно, – сказал царь, подумав. – Я не могу найти русского эквивалента.

– Ваше величество, в сербском языке есть слово, выражающее эту мысль. Они говорят «зачельно», что означает «за челом», что можно истолковать как «подсознательное и заранее представленное».

– Очень интересно. Я намерен попросить академию учредить специальную комиссию для составления словаря русского языка, как это делается сейчас во Франции. У нас нет нормативного словаря, представляющего собой утвержденный справочник по русскому произношению и орфографии.

Существовала только одна область, в которой царь допускал смягчение своего национализма, и в данном случае это легко понять. Он страстно любил музыку и ставил на один уровень двух композиторов, из которых русским был только один, – Вагнера и Чайковского. (Вагнеровское «Кольцо Нибелунга» исполнялось в императорских театрах в каждом сезоне по личному повелению государя.)

Могу добавить, что национализм Николая II не доходил до крайности, как у его отца. Николай был более утонченным человеком, чем Александр III, и не имел такого взрывного характера, как его отец.

Николай II в домашней обстановке облачался в «мужицкую» рубаху и хорошо в ней выглядел. Один из императорских гвардейских полков был обмундирован подобным же образом. Царь лелеял мечту отменить все современные придворные мундиры и заменить их на боярские костюмы XVI века. Одному из художников даже дали задание разработать модели таких костюмов. Но в конце концов от этой идеи пришлось отказаться, поскольку ее осуществление потребовало бы огромных затрат. Бояре одевались в очень дорогие меха и были увешаны бриллиантами, рубинами и жемчугами.

Ушло время (или, наоборот, еще не пришло), когда воинствующий национализм мог бы пустить глубокие корни при дворе Николая II.

«До гробовой доски...»

Только в одной среде царь снисходил до равноправного общения – в солдатской среде.

После марш-броска, речь о котором пойдет ниже, полковой командир попросил у его величества разрешения зачислить его солдатом в первое отделение своего полка. В день получения этой просьбы царь потребовал принести ему воинскую книжку нижнего чина и лично заполнил ее. Он вписал свое имя: «Николай Романов». В графе «Срок службы» написал: «До гробовой доски». Вглядываясь в прошлое, видишь, как значительны были его поступки и как соответствовали его характеру.

Знаменитый марш-бросок дает убедительное доказательство сознательности и чувства долга, отличавших царя как военачальника.

Военное министерство занималось разработкой новой формы и снаряжения для пехотинцев. Всякий, кто служил в армии или имеет опыт пеших походов, хорошо понимает важность даже самого маленького предмета, добавленного или изъятого из снаряжения, которое

приходится нести с собой по десять часов в день. Лишняя унция сверх необходимого минимума в снаряжении солдата может оказаться решающей.

При обсуждении нововведений, предложенных министерством, царь нашел наилучший способ их проверки. О своем намерении он поведал лишь министру двора и дворцовому коменданту. Во дворец доставили полный комплект снаряжения из полка, расквартированного около Ливадии. Скидок для царя не было; он оказался в равном положении с любым рекрутом, одетым в гимнастерку, солдатские штаны и шинель, с винтовкой и подсумком с патронами. Царь взял полагающийся по норме паек хлеба и воды. Снаряженный таким образом, он в одиночку совершил 40-километровый марш-бросок по выбранному им самим маршруту и вернулся во дворец. Сорок километров – полный дневной войсковой переход.

Царь вернулся в сумерках, проведя в пути восемь или девять часов, включая сюда время для отдыха. Тщательный осмотр показал, что на его теле нет ни мозолей, ни потертостей. Сапоги не натерли ног. На следующий день реформа была одобрена государем.

«Вместе с ними на фронт»

Царь считал себя профессиональным солдатом своей империи. В этом отношении он не шел ни на какие компромиссы: его долгом было делать то, что приходится делать каждому солдату.

Косвенно, в определенной степени, это стало причиной падения династии и самой России.

Читателю вскоре станет ясно, почему я так говорю. Я должен коснуться факта принятия его величеством верховного командования во время Великой войны. Это одна из самых загадочных и трагических страниц истории интересующего нас периода.

Нет ничего более опасного для великой страны, чем во время войны отправить в отставку Верховного главнокомандующего, окруженного людьми, которых он хорошо знает и судит по заслугам, и передать командование другому человеку. Такой шаг допустим только в самом крайнем случае; как правило, он приводит к огромным жертвам. Для России принятие царем командования армией на себя было чревато не только огромными трудностями в области стратегии, но и непредсказуемыми политическими последствиями. Мы знаем, что большая война может стоить трона стране даже менее созревшей для революции, чем Россия.

Потеря трона со всеми последующими потрясениями была наказанием, которое неизбежно должен был понести царь, вставший во главе своих войск и потерпевший поражение. Я умолчу о трудностях, с которыми столкнулось правительство огромной страны, лишенной постоянного присутствия своего государя в ту пору, когда обстановка в государстве постоянно осложнялась. Ставка располагалась далеко от Петрограда; реальная власть находилась не у царя, а в руках других людей. Это был смертельный риск.

Для такого решения у царя было две причины: военная и политическая. Военные соображения определенно сыграли такую же решающую роль, как и политические и династические, которых я коснусь ниже.

Чтобы объяснить соображения, порожденные царским чувством воинского долга, я должен вспомнить войну с Японией.

Все знают, какой катастрофой обернулась эта война для России. Войска уходили на фронт дивизия за дивизией, а астрономические расстояния, отделявшие нас от театра военных действий, пожирали их, словно ненасытный Молох; каждый день приносил новые потери.

Главнокомандующий Куропаткин вновь и вновь повторял: «Терпение, терпение!» Но проходили месяцы, и не поступало ни одной хорошей новости, способной вселить в нас мужество. Кроме того, пошла молва о разногласиях между высшими военачальниками, что было недобрым знаком.

Царь присутствовал при отправке каждой крупной части. Он произносил красивые речи (импровизированные, но от этого лишь более трогательные) и каждому убывающему полку раздавал иконы. Я замечал, каким печальным и измученным выглядел он, когда в молчании возвращался с этих проводов.

Однажды в моем присутствии он заявил:

– Мне надо бы не провожать войска, а самому отправиться с ними на фронт.

Мало кто из присутствующих обратил тогда внимание на эти слова. Лишь позже я осознал их истинное значение.

Это была не более чем колониальная война – война в Китае, таком далеком, что на дорогу до мест боевых действий уходило двадцать дней по железной дороге. Свой долг царь видел в том, чтобы быть в гуще сражения, на самом опасном участке. Он, не позволявший себе принять звание выше полковника Преображенского полка, страдал от вынужденного бездействия.

Верховное командование

Великая война.

Зимний дворец превратился в фабрику для производства бинтов и хирургических инструментов.

Первые успехи. Мой гвардейский кавалерийский полк разгромил вражескую дивизию... Мой сын в своих письмах рассказывал о героизме гвардии казачьего полка, в которой он служил...

Затем гибель армии Самсонова... массовая эвакуация населения с территорий, оставленных противнику... сообщение о шпионаже... общественное мнение проявляло признаки тревоги.

Народ искал козла отпущения. В свите императрицы склонялись к тому, чтобы возложить вину за все неудачи на главнокомандующего – великого князя Николая Николаевича. Говорили, что, несмотря на свой сильный характер, он пассивно склонил голову перед «судьбой», заранее приняв поражение, «ибо такова воля Провидения». Приводились примеры его чрезмерной суровости по отношению к храбрым генералам; некоторые из них покончили жизнь самоубийством после незаслуженного выговора, полученного ими от великого князя...

Царь не говорил ничего. Взмолвленный, но нерешительный, он не выказывал своих скрытых чувств, но при всей своей скрытности пристально следил за происходящим вокруг. Затем он вызвал министра двора и объявил свое решение: его долг – принять верховное командование.

Фредерикс был категорически против этого.

Царь обсудил этот вопрос с некоторыми членами своей свиты. Он получил поддержку со стороны двора императрицы. Он считал, что Николай Николаевич и генерал Янушкевич совершили ряд серьезных ошибок. Генерал Алексеев был склонен рассматривать поле битвы как шахматную доску; но поскольку он был офицером выдающегося таланта, то царь надеялся, что после назначения его начальником штаба положение изменится.

Царь решил приступить к исполнению своего долга, к активной службе.

«Заговор» великих князей

Гораздо труднее объяснить решение царя с политической точки зрения. Я могу высказать лишь свои догадки.

Главнокомандующий Николай Николаевич имел массу положительных качеств: у него была репутация твердого и решительного человека. Твердость, проявленная им в отношении гражданского населения, которое было необходимо эвакуировать, оценивалась как свидетель-

ство того, что он «мог бы сделать, будь у него развязаны руки». Левое крыло считало его своим: постоянно шли разговоры, что в октябре 1905 года именно он заставил царя подписать манифест, первую ласточку конституционных свобод; и именно он поддерживал графа Витте, автора законопроекта о созыве Думы. Союзников постоянно раздражали разногласия, существовавшие между правительством и народными избранниками, и было совершенно очевидно, что они намерены поддерживать единственного из великих князей, который мог завершить работу по освобождению народа, начатую в 1905 году.

Пошли слухи, что императрицу отошлют в Ливадию или заточат в монастырь, а царь при несогласии с этим планом будет свергнут. Николай Николаевич станет диктатором, а после победы и царем.

Одно время в Петрограде почти в открытую говорили о дворцовом перевороте. Был ли сам великий князь Николай Николаевич участником заговора? Я в это не верю. Я глубоко убежден, что заговор существовал лишь в воображении кулуарных болтунов. Единственными значительными фигурами в Петрограде были в то время великая княгиня Мария Павловна и великий князь Николай Николаевич; но ни по отдельности, ни вместе они не могли сделать ни одного решительного шага. Другие члены царской семьи были на фронте. После принятия царем верховного командования великий князь Николай Николаевич находился в горах Кавказа в Армении. Никого из его доверенных лиц в Петрограде не было. Как раз перед отречением своего племянника от престола в феврале 1917 года он написал ему письмо, в котором «стоя на коленях» умолял отречься, но это, я полагаю, был единственный неверный шаг, который можно поставить ему в вину.

Государственная полиция, или охранка, была, конечно, осведомлена об этих слухах, которые упорно циркулировали в обществе. Царь не мог не знать о них. Попадали ли в его руки какие-либо документы? Мне об этом неизвестно.

В любом случае идею опереться на Ставку, где переворот был бы исключен, можно было отнести к политическим причинам, о которых я говорил.

Однако я всегда буду считать, что для Николая II решающим фактором явились военные соображения. Императрица могла руководствоваться причинами более личного характера; говорили, будто она опасалась, что Николай Николаевич мог приобрести огромное влияние, если бы войска под его командованием одержали решительную победу.

Недоверчивость

Отчужденность, ставшая жизненным правилом царя, усугублялась еще и тем, что он не доверял даже лицам из своей свиты. Единственным исключением был граф Фредерикс.

Царь пришел к власти в возрасте двадцати шести лет, его характер тогда еще до конца не сформировался, у него не было опыта, который позволил бы ему правильно оценивать людей.

Его единственным контактом с окружающим миром к тому времени было пребывание в трех различных полках по шесть месяцев в каждом. Можно быть уверенным, что жизнь для него в этих полках была приятной и беззаботной: «В моем полку все в порядке» – эта сакральная фраза в ежедневном докладе каждого полка, батальона и отделения российской армии станет лейтмотивом посвящения в военную службу Николая Александровича.

Вскоре он осознал обманчивость этой формулы, которая разрушала его доверие к людям. Именно его недоверчивость осложняла работу императорской свиты.

Царь, как мог, боролся с «недобросовестными слугами» среди министров и членов своей свиты, а когда он отправился на фронт, то воспользовался случаем передать свои полномочия императрице: он считал, что она обладает для этого достаточной волей и сильным характером.

Я допускаю, что отречение царя от трона было поступком уставшего человека. Из-за своих колебаний он утратил мужество. Он надеялся, что его оставят в покое и что он и его

сын смогут «возделывать свой сад в Ливадии». Но главным мотивом царя было нежелание проливать кровь, подавляя революцию.

Отец, достойный похвалы

Отцовская любовь Николая II была достойна всяческих похвал. Он боготворил своих детей и гордился ими. Никогда не забуду, как царь впервые представил меня цесаревичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.